

Татьяна Степновска

Лодзинский университет, кафедра русской литературы и культуры Института русистики (Польша)

«ДУБОВЫЙ ПРОТИВОВЕС». СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СЛОВА «СТОЛ» В ПОЭЗИИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

*Тише, тише, тише, век мой громкий!
За меня потоки – и потомки¹.*

Стол – это древнее праславянское слово. Оно образовано от глагола «стылати». Первоначальное его значение – «то, что простирается», «подстилка», позже – «покрытое чем-либо возвышение» > «возвышение» > «стул» > «стол» (Шанский Н. М., Боброва Т. А. 2004). В современном русском языке слово «стол» имеет различные значения. Основные из них это: 1. Род мебели (в виде широкой доски или нескольких досок, соединенных вместе и укрепленных в горизонтальном положении на одной или нескольких ножках), на которую ставят или кладут что-либо при работе, еде и т.п.; 2) род мебели вместе с поставленной на нее едой, угощение; 3) отдел в учреждении или само учреждение (например: стол заказов в магазине); 4) престол, княжение в древней Руси (ист.) (МАС 1984: 271). История стола полна загадок. Неизвестно, кто первый изобрел стол, но его знали все древние цивилизации. Это один из самых необходимых человеку предметов.

Казалось бы, что стол – утилитарный элемент мебели, не может стать объектом поэтического изображения и вдохновения, однако русская поэтесса Марина Цветаева (1892–1941) посвятила письменному столу цикл стихов, своеобразную поэму о столе из шести частей. В цикле *Стол*, написанном в 1933 году, в зрелый период творчества, Цветаева подвела своеобразный итог своим философским размышлениям на тему творчества и поэтического дарования. Для Цветаевой слово «стол» становится символическим ключом, который раскрывает самые сокровенные и фундаментальные эстетические

---

¹ М. Цветаева, *Тише, тише, тише, век мой громкий!*, [в:] М. Цветаева, *Собрание сочинений в семи томах*, т. 2, Москва 1994, с. 294. Все цитаты из текстов М. Цветаевой даются в дальнейшем по этому изданию с указанием тома и страницы в скобках.

и этические принципы поэтессы. Это своеобразный синоним творчества. Стол не мертвый предмет и не абстрактный символ. Благодаря олицетворению, воображение Цветаевой преобразует стол в мудрого наставника, друга, опекуна, спутника жизни, который не дает ей растратить свой поэтический дар на мелочные житейские проблемы и пустяковые занятия. Поэтесса пишет:

Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что шел
Со мною по всем путям.
Меня охранял – как шрам.

Мой письменный вьючный мул!
Спасибо, что ног не гнул
Под ношей, поклажу грез –
Спасибо – что нес и нес.

Строжайшее из зеркал!
Спасибо за то, что стал
– Соблазнам мирским порог –
Всем радостям поперек,

Всем низостям – наотрез!
Дубовый противовес
Льву ненависти, слону
Обиды – всему, всему (т. 2, с. 309–310).

Не случайно Цветаева определяет стол эпитетом «верный» и называет его «вьючным мулом», который помогает ей нести всю тяжесть жизни. Одновременно, стол – это «дубовый противовес» и «соблазнам мирским порог», то есть не просто преданный друг, но и строгий покровитель («строжайшее из зеркал»), не разрешающий осквернить поэтессе свою душу низменными чувствами (ненависть, обида) и пустыми развлечениями («Соблазнам мирским порог – / Всем радостям поперек»). В письме от 30-го декабря 1925 года она отметила:

Я не люблю жизни как таковой, для меня она начинает значить, т. е. обретать смысл и вес – только преобразенная, т. е. – в искусстве. Если бы меня взяли за океан – в рай – и запретили писать, я бы отказалась от океана и рая. Мне вещь сама по себе не нужна (т. 6, с. 344).

Еще в далеком 1921 году Цветаева написала: «Для меня стихи – дом, «хочу домой» с чужого праздника» (т. 4, с. 344). Без возможности творить Цветаева не представляла себе жизни. Она очень серьезно и ответственно

относилась к своему творчеству, стараясь работать каждый день несколько часов. Такое отношение к труду было во многом результатом воспитания, как и иерархии ценностей, которую прививали детям с детства родители художницы². В письме от 3-го апреля 1930 года Раисе Ломоносовой поэтесса сознается: «Я никогда не любила внешнего, это у меня от матери и от отца. Презрение к вещам. [...] кормила меня, выручала меня, в конце концов, только моя работа» (т. 7, с. 321).

У Цветаевой были свои особые привычки писать. Она использовала только тетради, а не отдельные листы бумаги. Новая тетрадь воспринималась поэтессой как самый ценный дар. В каком-то смысле так получилось еще в детстве и связано было с довольно строгой матерью Цветаевой – Марией Мейн. Она была одаренной пианисткой, мечтала о сцене, публичных концертах, но как дочь богатого и знатного отца, дворянина, не могла реализовать это желание. Она опозорила бы свою семью. Когда родилась Марина и выяснилось, что у нее прекрасный слух и сильная рука, мать заставила ее усердно заниматься игрой на фортепиано, надеясь таким образом реализовать свою мечту. Об этом подробно пишет Цветаева в эссе *Мать и музыка* (1933). Девочка играла ради любви к матери, но настоящим ее увлечением была литература и писание стихов. Мать дала однажды почитать их одному поэту, но он пришел к выводу, что у ребенка нет литературного дарования. Мать решила, что раз так, Марина должна усиленно заниматься музыкой и не тратить зря время на стихи. Дочка однако не послушалась матери, она тайно сшивала листы бумаги для рисования и делала сама тетради для своих произведений³.

Цикл стихов о столе был создан в честь тридцатой годовщины творчества. Об этом свидетельствует первая строка второй части поэмы: «Тридцатая годовщина / Союза – верной любви». Следовательно, Цветаева определяет сама начало своего творчества, считая, что уже в возрасте одиннадцати-двенадцати лет она начала свой осознанный путь поэта. Кроме тетрадей, Марине для творчества требовался стол. Без него она не могла сосредоточиться. В письме от 2-го июля 1935 года к Анне Тесковой, где поэтесса описывает свое пребывание с сыном на море, находим следующее замечание: «Я давно уже выбилась из колеи писания. Главное нет стола» (т. 6, с. 427). Возможно, не следует лишь однозначно рассма-

---

² Об отношении Цветаевой к своему поэтическому труду, ее понимании категорий «гений», «талант» мы более подробно писали в статье: *О специфике творческого труда (на примере критического и литературного наследия Марины Цветаевой)*. [в:] *Praca i odroczynek w literaturach słowiańskich*, под ред. E. Małek, Łódź 2003, с. 363–373.

³ Об этом мы более подробно пишем в: *О словах-заклинаниях и стихии лирики в автобиографической прозе Марины Цветаевой*, «Beiträge zur Slavistik», т. 47, *Слово в тексте, переводе и словаре*, под ред. K. Bajora, J. Wierzbnińskiego, Frankfurt am Main–Berlin–Bern–Bruxelles–New York–Oxford–Wien 2002, с. 427–439.

тривать оправдание Цветаевой, что у нее исчезло вдохновение из-за отсутствия стола. Тридцатые годы стали очень сложным периодом в ее жизни, что обусловлено конфликтом с дочерью и политической деятельностью мужа – Сергея Эфрона, который начал сотрудничать с «Союзом возвращения на родину» в Париже. Большинство белой эмиграции восприняло это отрицательно, как предательство. Только после смерти Эфрона (16 октября 1941 года) было доказано его сотрудничество с советскими спецслужбами, то есть сплетни об Эфроне подтвердились. По всей вероятности, Цветаева не была причастна к деятельности мужа и не одобряла его взглядов, но как его жена подвергалась осуждению со стороны многих эмигрантов. Они не хотели посещать ее платные литературные вечера. Это осложняло материальное положение семьи. В письме Тесковой за фразой «нет стола», скрывается огромная боль и страдание поэта, которого лишили читателя не только в России, но и за ее пределами, защиты от злословия, необоснованных нападок и возможности какого-либо оправдания.

Цветаевой оставалось молчать, писать «в стол». От полного падения духа ее спасало только творчество. Ее утешала мысль, что трудная жизнь является неотъемлемой частью судьбы художника. В статье *Поэт и время* (1931) она замечает:

Всекий поэт по существу эмигрант, даже в России. Эмигрант Царства Небесного и земного рая природы. На поэте – на всех людях искусства – но на поэте больше всего – особая печать неуютя, по которой даже и в его собственном доме – узнаешь поэта. Эмигрант из Бессмертия в время, невозвращенец в **свое** небо» (т. 5, с. 335).

Для Цветаевой талант неотделим от жизни-муки. Он помогает ее переносить, а она для него становится вечным источником вдохновения, возвышает и облагораживает его душу. Поэт вынужден служить своему дарованию. Талант это своего рода крест, который необходимо донести до своей Гольгофы. Цветаева много об этом писала и в своей автобиографической прозе, и в критических статьях (*Поэт и время*, *Искусство при свете совести* – 1932; *Поэты с историей и без истории* – 1934; *Пушкин и Пугачев* – 1937 и другие). Свое понимание роли творчества Цветаева представила и в цикле *Стол*:

Мой заживо смертный тес!
Спасибо, что рос и рос
Со мною, по мере дел
Настольных – большая, ширел,

Так ширился, до широт –
Таких, что, раскрывши рот,
Схватясь за столовый кант...
– Меня заливал, как шtrand!

К себе пригвоздив чуть свет –
Спасибо за то, что – вслед
Срывался! На всех путях
Меня настигал, как шах –
Беглянку.

– Назад, на стул!
Спасибо за то, что блюл
И гнул. У невечных благ
Меня отбивал – как маг –
Сомнамбулу (т. 2, с. 310).

Цветаева уже в первой строке подчеркивает, что у поэта нет выбора. Он до смерти должен повинаться и служить своему таланту, отсюда рождается фраза «Мой заживо смертный тес!». Письменный стол ассоциируется у писательницы в какой-то степени и со смертью. Это своего рода одна из досок ее гроба, место куда ее положат после кончины (второе стихотворение цикла):

И деньги, и письма с почты –
Стол – сбрасывавший – в поток!
Твердивший, что каждой строчки
Сегодня – последний срок.

Грозивший, что счетом ложек
Создателю не воздашь,
Что завтра меня положат –
Дурищу – да на тебя ж! (т. 2, с. 311).

В конце цикла Цветаева изображает сцену, когда ее голые останки положат на стол, которые прикроют два крыла – символ поэтического дарования («А меня положат – голую: / Два крыла прикрываем»). В описании своих похорон поэтесса намекает на православную традицию, когда гроб с покойником ставился посередине комнаты на два – три дня, чтобы с ним могли попрощаться все родственники и друзья. Часто в гроб клали предметы, которые были особенного дороги умершим при жизни. На тот свет Цветаева символически пожелала унести только свое творчество («два крыла прикрываем»), которое в цикле *Стол* является бесценным даром Бога (Столяра, как его называет Цветаева):

Обидел и обошел?
Спасибо за то, что – стол
Дал, стойкий, врагам на страх
Стол – на четырех ногах (...).

Спасибо тебе, Столяр,
 За доску – во весь мой дар,
 За ножки – прочней химер
 Парижских, за вещь – в размер (т. 2, с. 313).

В своего рода «юбилейном» цикле *Стол* Цветаева подчеркивает, что ее творчество выросло из самой сути ее жизни, из ее боли, радости и горя. Поэтому стол – это живое дерево «с листвы молодой игрой, с слезами живой смолы, с корнями до дна земли»:

Мой письменный верный стол!
 Спасибо за то, что ствол
 Отдав мне, чтоб стать – столом,
 Остался – живым стволом!

С листвы молодой игрой
 Над бровью, с живой корой,
 С слезами живой смолы,
 С корнями до дна земли! (т. 2, с. 313).

Несмотря на то, что Цветаева не приняла новую советскую власть, не была никогда членом ни одной политической партии, ни литературной группировки, в ней всегда присутствовала неприязнь к «сытым» этого мира, ее возмущало равнодушие богатых по отношению к судьбе бедных, к которым после 1917 года стала принадлежать и она сама. Если внимательно просмотреть эпистолярное наследие Цветаевой, то удивляет и ужасает количество писем, в которых она просит материальной поддержки у других, несмотря на непосильную работу и постоянное стремление самостоятельно заработать деньги на содержание семьи.

В шестом стихотворении цикла она словно повторяет и дополняет то, что сказала по этому поводу в 1918 году в стихотворении без заглавия: «Два на миру у меня врага, / Два близнеца, неразрывно-слитых: / Голод голодных – и сытость сытых!» (т. 1, с. 421). В цикле *Стол* поэтесса подчеркивает, что для богатых и сытых стол является местом еды, праздного проведения времени, удовлетворения своих физических потребностей, для поэта – это место творческого труда, утоления своих духовных потребностей. За своим столом Цветаева часто работала голодная, стараясь оставить еду детям и мужу. Как фаталистка Цветаева верила, что место человека в мире, особенности его стола, определены свыше, до рождения. Она пишет:

Всяк на выбранном заранее –
 <Много до рождения! – >
 Месте своего деяния,
 Своего радения:

Вы – с отрывками, я – с книжками,
С трюфелем, я – с грифелем,
Вы – с оливками, я – с рифмами,
С пикулем, я – с дактилем.

В головах – свечами смертными
Спаржа толстоногая.
Полосатая десертная
Скатерть вам – дорогою! (т. 2, с. 314).

Свое огромное негодование по поводу жалкой эмигрантской экзистенции она выразила в первых строках шестой части цикла, подчеркивая, что поэт, невзирая на свою унижительную материальную бедность, на самом деле, более богат в духовном плане, чем надменные богачи, которые часто наживаются на его таланте, поэтому после смерти его останки положат в знак уважения не на обеденный, а на письменный стол:

Квиты: вами я объедена,
Мною – живописаны.
Вас положат – на обеденный,
А меня – на письменный (т. 2, с. 314).

В стихотворении без заглавия, созданном в этот же самый период, что и цикл *Стол*, Цветаева с досадой замечает:

Нищеты вековечная сухомья!
Снова лето, как корку, всухую мять!
Обернулось нам море – мелью:
Наше лето – другие съели!

С жиру лопающиеся: жир – их «лоск»,
Что не только что масло едят, а мозг
Наш – в поэмах, в сонатах, в сводах:
Людоеды в парижских модах! (т. 2, с. 309).

Цветавой казалось, что оставляя советскую Россию, она обретет на эмиграции возможность более или менее нормальной жизни, но все получилось иначе, ни счастья, ни стабильности материального положения у нее не было. В тридцатых годах она постепенно теряет самых близких людей. Дочь и муж уезжают в СССР. Ее творчество никому, кроме ее самой, не нужно. Она лихорадочно пытается спастись от убийственной действительности творчеством. Поэтому в ее поэме стол является и престоном, местом правления, воздействия поэтическим словом на сердца и души других:

Стол, столпника, уст затвор –
 Ты был мне престол, простор –
 Ты был мне, что морю толп
 Еврейских – горящий столп!

Так будь же благословен –
 Лбом, локтем, узлом колен
 Испытанный, – как пила
 В грудь ввевшийся – край стола! (т. 2, с. 310).

Это подчеркивает, с одной стороны, эпитет «стол столпника». Столпничество было одной из форм христианского подвижничества, родом крайне аскетического монашества, которое возникло в IV веке н.э. в Сирии. Название происходит от имени сирийского монаха Симеона Столпника. Он молился Богу, стоя на столбе. «Стоя днем и ночью, как свеча, в прямом положении, он почти непрерывно молился и размышлял о Боге. Кроме строжайшего воздержания в пище, он добровольно переносил много лишений: дождь, зной и стужу. Питался он размоченной пшеницей и водой, которые приносили ему добрые люди» (Скитер Е. М. 2008). Столпники сознательно становились мучениками. К ним постоянно обращались за советом паломники. Вокруг их столбов со временем возникали монастыри. Столпник был своего рода избранным Богом духовным наставником христиан. «Стол столпника» – это стол человека, которого сам Всевышний возвысил, давая ему возможность наставлять других на путь истины, но ценой огромных лишений и страдания. В поэме Цветаева подчеркивает, что она гордится даром Бога, что поэтическое дарование компенсирует сложную судьбу:

Спасибо тебе, Столяр,
 За доску – во весь мой дар (т. 2, с. 313).

Следует при этом подчеркнуть, что слово благодарности Богу за поэтический талант, повторяется только в первом стихотворении цикла семь раз и оно заканчивается благословением стола-поэтического дара Бога.

Так будь же благословен –
 Лбом, локтем, узлом колен
 Испытанный, – как пила
 В грудь ввевшийся – край стола! (т. 2, с. 310).

С другой стороны, Цветаева сравнивает стол с библейским «горящим столпом», с помощью которого во время побега из Египта Бог указывал евреям дорогу, следовательно, для поэтессы творчество было самым важным путеводителем, основной задачей в жизни. Оно определяло ее настоящую ценность и в мире людей, и в мире Бога. В цикле *Стол* Цветаева высказыва-

ет мысль, что творческая личность – это настоящий повелитель. Это повторение божественно акта создания Вселенной. Она говорит:

Бог! *Есть Бог!* Поэт – устройчив:
Все – стол ему, все престол!
Но лучше всего, всех стойче –
Ты, – мой наклонный стол! (т. 2, с. 312).

Подводя итоги сказанному, следует подчеркнуть, что в цикле стихов Цветаевой слово «стол» приобретает много неожиданных созначений: стол – это творчество, судьба назначенная Богом, жизнь-мука, страдание, постоянный труд, отказ от удовольствий мирской жизни, умение переносить бедность и унижения, нищету, одиночество, но стол это и дар Бога, талант, престол, опора, самый важный ориентир в жизни, друг, наставник, спутник жизни.

Свое последнее в жизни стихотворение *Все повторяю первый стих...* Цветаева, в каком-то смысле, посвятила тоже столу. Она написала его 6 марта 1941 года и оно является своеобразной переключкой со стихотворением *Стол накрыт на шестерых* молодого московского поэта Арсения Тарковского, который был, как считают некоторые исследователи, последней страстью поэтессы. Тарковский очень заинтересовался старшей его на 15 лет Цветаевой. Он знал и ценил ее дореволюционные стихи. Они встретились в начале 1940 года, много общались друг с другом, гуляли вместе по городу. Тарковский никогда не подтвердил интимной связи с поэтессой. Он ценил ее как поэта и интересного человека, мастера, но не был заинтересован Мариной как женщиной. Он даже немного ее боялся. В своих воспоминаниях Тарковский написал:

«Она была слишком резка, слишком нервна. Мы часто ходили по ее любимым местам – в Трехпрудном переулке, к музею, созданному ее отцом... Марина была сложным человеком. [...] Она была страшно несчастная, многие ее боялись. Я тоже – немножко. Ведь она была чуть-чуть чернокнижница. Она могла позвонить мне в четыре утра, очень возбужденная: «Вы знаете, я нашла у себя ваш платок!» – «А почему вы думаете, что это мой? У меня давно не было платков с меткой». – «Нет, нет, это ваш, на нем метка «А. Т.». Я его вам сейчас привезу!» – «Но... Марина Ивановна, сейчас четыре часа ночи!» – «Ну и что? Я сейчас приеду». И приехала, и привезла мне платок. На нем действительно была метка «А. Т.»» (Страницы сайта поэта Арсения Тарковского (1907–1989)).

Тарковский устал от общения с Цветаевой. Начал ее избегать. Весной 1941 года он даже не поздоровался с ней на книжном базаре в Клубе писателей. Он был слишком молод и слишком поглощен своей личной жизнью, чтобы стать опорой для Цветаевой. До встречи с ним поэтесса, после своего возвращения в СССР в 1939 году, пережила ряд потрясений. 27 августа этого

же года была арестована ее дочь Ариадна, а 10 октября ее муж. Большинство знакомых отвернулось от нее. Цветаева потянулась к Тарковскому как к спасательному кругу. Она жила в постоянном страхе за жизнь своих близких, лихорадочно пытаясь найти что-нибудь, что дало бы ей хотя бы иллюзорную надежду на более светлое будущее. Как нам кажется, она понимала, что ее увлечение молодым поэтом для него не имеет большого значения. Возможно, поэтому она не подарила ему свое стихотворение. Он прочитал его только 12 октября 1982 года в «Огоньке».

В стихотворении Тарковского лирическое «я» приглашает к столу своих умерших близких: отца, брата, и скончавшуюся двенадцать лет тому назад любимую женщину – Марию Фальц. Тарковский описывает своего рода поминки. Стол накрыт для тех, кто его когда-то любил, за которыми он скучает, голоса которых он слышит из под земли. Возможно, это не совсем стол, а надгробная плита, на которую православные христиане ставят поминальную еду, посещая могилы своих близких. Неужели Цветаева не поняла смысла стихотворения и обиделась на поэта за то, что он не пригласил ее к такого рода столу?

«Я стол накрыл на шестерых...»

Все повторяю первый стих
 И все переправляю слово: –
 «Я стол накрыл на шестерых»...
 Ты одного забыл – седьмого.
 Невесело вам вшестером.
 На лицах – дождевые струи...
 Как мог ты за таким столом
 Седьмого позабыть – седьмую...
 Невесело твоим гостям,
 Бездействует графин хрустальный.
 Печально – им, печален – сам,
 Непозванная – всех печальней.
 Невесело и несветло.
 Ах! не едите и не пьете. –
 Как мог ты позабыть число?
 Как мог ты ошибиться в счете?
 Как мог, как смел ты не понять,
 Что шестеро (два брата, третий –
 Ты сам – с женой, отец и мать)
 Есть семеро – раз я на свете!
 Ты стол накрыл на шестерых,
 Но шестерыми мир не вымер.
 Чем пугалом среди живых –
 Быть призраком хочу – с твоими,
 (Своими)...
 Робкая как вор,

О – ни души не задевая! –
За непоставленный прибор
Сажусь незваная, седьмая.
Раз! – опрокинула стакан!
И все, что жаждало пролиться, –
Вся соль из глаз, вся кровь из ран –
Со скатерти – на половицы.
И – гроба нет! Разлуки – нет!
Стол расколдован, дом разбужен.
Как смерть – на свадебный обед,
Я – жизнь, пришедшая на ужин.
...Никто: не брат, не сын, не муж,
Не друг – и все же укоряю:
– Ты, стол накрывший на шесть – душ,
Меня не посадивший – с краю (т. 2, с. 369–370).

При поверхностном прочтении произведения может показаться, что это так и есть на самом деле. Но, если учесть весь исторический контекст, сложность положения Цветаевой в это трудное время, то станет ясно, что поэтесса говорит здесь о чем-то более важном. Она считает, что ей нет места среди живых: «Чем пугалом среди живых – / Быть призраком хочу – с твоими». Дело не в Тарковском, а точнее, не только в нем, ведь от Цветаевой отвернулись почти все. В письме от марта-апреля 1941 года Евгению Сомову Цветаева написала: «Я сейчас *убита*, меня сейчас *нет*, не знаю буду ли я когда-нибудь» (т. 7, с. 707). Следовательно, не Тарковский стал причиной полного упадка духа Марины, он был лишь последней каплей, переполнившей чашу терпения, поэтому в произведении «непозванная – всех печальней». На самом деле, во всем виновата была жестокость сталинского режима, которого жертвой стала Цветаева. Ее убили, когда арестовали дочь и мужа. Если даже кто-то и желал ей помочь, то его воздерживал от этого панический страх за собственную жизнь, ведь само общение с семьями «врагов народа» создавало смертельную опасность.

Хотя в стихотворении лирический субъект называет себя «жизнью, пришедшей на ужин», которая, опрокидывая стакан, расколдовывает и будит дом, это не значит, что представлена на самом деле сцена, когда к мертвым приходит живой человек. Ведь гостья упрекает всех собравшихся, которые давно умерли, что не пригласили ее на ужин, то есть оставили мертвую в мире живых, хотя живые давно ее заживо похоронил. Она хочет быть с ними, сесть хотя бы с краю их стола.

В стихотворении стол – это скорее не место трапезы и встречи живых, близких, любящих друг друга людей, а, как и у Тарковского, могила, надгробная плита, потусторонний мир, где с радостью встречают пришедших, где «И – гроба нет! Разлуки – нет!».

Обладая уникальным поэтическим талантом, Цветаева всю жизнь пыталась доказать своим современникам, что она заслуживает звания «поэт». Однако внешние препятствия, болезни, революции, войны, политика постоянно разрушали ее надежды, полностью лишая ее в конце концов желания жить и писать. Только благодаря многолетним усилиям ее дочери, которая после 15 лет заключения чудом осталась жива, Цветаева заняла сейчас надлежащее ей уже давно место среди классиков русской литературы XX века.

Библиография

- Белкина М., *Скращение судеб. Попытка Цветаевой, двух последних лет ее жизни. Попытка детей ее. Попытка времени, людей, обстоятельств*, Москва 1988.
- Кудрова И., *Гибель Марины Цветаевой*, Москва 1995.
- МАС 1984, *Словарь русского языка в четырех томах*, том 4 (1984), ред. А. П. Евгеньева, Г. А. Разумникова, Москва, с. 271.
- Саакянц А., *Марина Цветаева. Жизнь и творчество*, Москва 1997.
- Троуат Н., *Marina Cwietajewa. Wieczna buntownica*, перевод W. Sadkowski, Warszawa 2004.
- Цветаева М., *Собрание сочинений в семи томах*, т. 1, Москва 1994.
- Цветаева М., *Собрание сочинений в семи томах*, т. 2, Москва 1994.
- Цветаева М., *Собрание сочинений в семи томах*, т. 4, Москва 1994.
- Цветаева М., *Собрание сочинений в семи томах*, т. 5, Москва 1994.
- Цветаева М., *Собрание сочинений в семи томах*, т. 6, Москва 1995.
- Цветаева М., *Собрание сочинений в семи томах*, т. 7, Москва 1995.
- Эфрон А., *О Марине Цветаевой. Воспоминания дочери*, Москва 1989.

Интернетовские источники

- Ольшанский О. Е., *Стол. Столица. Престол*, <http://slovo.dn.ua/stol-stolitsa-prestol.html> (20.03.2016).
- Скитер Е.М., *Столпничество как форма христианского подвижничества*, 2008, http://halkidon2006.orthodoxy.ru/saints/saints4/768_stolpniki.htm (30.03.2016).
- Страницы сайта поэта Арсения Тарковского (1907–1989), <http://knnr.ru/ars01.htm> (07.04.2016).
- Страница сайта «Мир Марины Цветаевой», <http://tsvetaeva.synnegoria.com/WIN/>, (12.03.2016).
- Шанский Н. М., Боброва Т. А. (2004), *Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов*, <http://enc-dic.com/rusethy/Stol-4278.html>, (10.03.2016).

Tatiana Stepnowska

„OAK COUNTERWEIGHT”. SEMANTIC AND STYLISTIC FUNCTIONS OF THE WORD „TABLE” IN MARINA TSVETAEVA’S POETRY

(Summary)

The article attempts to analyze semantic and stylistic functions of the word ‘table’ in Marina Tsvetaeva’s 1933 poetic cycle *Table*, which consists of seven poems, as well as in her last work, “I keep repeating the first poem” (1941). Tsvetaeva assigns several new meanings to the word „table”. Table is for her a synonym of creativity, hard work, God’s gift, a guardian and a friend, a bed-rock, a throne, a road sign, and a plank for a coffin. In her last poem it becomes a tombstone, a grave where she longed to find herself after her daughter and husband were arrested in 1939.

Keywords: Marina Tsvetaeva, russian poetry, literary motive for the table.

«ДУБОВЫЙ ПРОТИВОВЕС». СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СЛОВА «СТОЛ» В ПОЭЗИИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

(Резюме)

Статья является попыткой семантико-стилистического анализа функций слова «стол» в поэзии Марины Цветаевой на примере поэтического цикла стихотворений «Стол» (1933), состоящего из семи произведений, и последнего стихотворения поэтессы «Все повторяю первый стих...» (1941). Цветаева наделяет слово «стол» целым рядом новых значений. Для нее стол становится синонимом творчества, тяжелого труда, даром Бога, опекуном и другом, поддержкой, троном, путеводителем и одной из досок ее гроба. В последнем стихотворении он превращается в надгробную плиту, могилу, куда она желает попасть после ареста в 1939 году своей дочери и мужа службами безопасности советской России.

Ключевые слова: Марина Цветаева, русская поэзия, литературный мотив стола.